

Моцарт без глупостей

Известия - 2006 - 15 февр - с. 10

Сегодня в Большом зале Московской консерватории выступает непревзойденная Анне-Софи Муттер. Двумя днями раньше немецкая скрипачка дала концерт в Большом зале Петербургской филармонии, который открыл ее громадный моцартовский тур этого года.

В игре **АННЕ-СОФИ МУТТЕР** нет места сентиментальности и патетике — только вечные ценности

ФОТО: HARALD HOFFMANN/DG

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

Знаменитый точеный стан, в течение нескольких десятилетий (на международной сцене Анне-Софи дебютировала в 13-летнем возрасте) навевающий романтические сравнения с изгибами прикладываемого к нему инструмента, производит обманчивое впечатление. На самом деле эта хрупкая на вид женщина могла бы, кажется, управлять страной (в последние годы она, кстати, серьезно занялась образовательными музыкальными программами). Такая в ее голове ясность, в движениях — твердость, а в получаемом музыкальном результате — невероятная позитивность и вечные ценности, не разбавленные никакими сиюминутными глупостями. Послушаете ее игру — и хорошее, умиротворенное настроение не покинет больше вас.

В Россию Муттер прибыла после долгого перерыва (лет десять назад Юрий Башмет вручал ей в Москве премию имени Шостаковича) с моцартовскими скрипичными сонатами, чрезвычайно трудными своей простотой и разыгрываемыми ею в этот юбилейный моцартовский год по всему миру по пять штук за вечер. Двум российским столицам достались два разных набора, в каждом из которых присутствуют ранние и поздние представители жанра. В случае с недолго прожившим Моцартом это, конечно, до некоторой степени условность, хотя акцентами пионерской программы стала именно пара сонат (точнее, их вторых частей), принадле-

жащих к заключительному, венскому, периоду жизни композитора: фа-мажорная 1781 года с вариациями, трогательная наивность которых с подкупающей тщательностью и увлечением была рассмотрена со всех возможных сторон, и ля-мажорная 1787 года с ее скупой геометрией, ставшей еще более скупой, геометричной и соответственно выразительной. В остальных сонатах (до-мажорная, ре-мажорная, ми-бемоль-мажорная и ми-минорная на бис), относящихся к зальцбургскому периоду, тоже, впрочем, главным интеллектуальным лакомством оказывались вторые медленные части. Это понятно — там меньше нот и больше воздуха, которым можно распоряжаться по собственному усмотрению.

Хотя справедливее было бы сказать — по взаимному согласию с пианистом, исключаящему любое отклонение в сторону патетики, сентиментальности, театральности или сюсюканья. Несмотря на то, что хедлайнер проекта — Муттер, в данном случае она — неотделимая часть годами настоящего ансамбля с американцем Ламбертом Оркисом (одновременно являющимся давним партнером Мстислава Ростроповича и своей лысиной и мимикой удивительно его напоминающим). Подобной слитности и чуть ли не единства вдоха-выдоха мы давно уже не слышали. И, именно отказываясь от собственного выпячивания, Муттер заставляет зал, не отрываясь, вслушиваться в сто раз уже слышанного Моцарта. Качество, отличающее примадонну от обычной звезды.